

УДК 82

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-73-80

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕТОК ПО ПОВОДУ ОБРАЗА МЫШИ В «ЗАПИСКАХ ИЗ ПОДПОЛЬЯ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Догнал Й.*Институт славистики Университета имени Масарика**601 77, г. Брно, Жеротинская пл., д. 617/9, Чешская Республика**Кафедра русистики Университета имени св. Кирилла и Мефодия**917 01, г. Трнава, пл. Й. Херду, д. 2, Словацкая Республика***Аннотация**

Цель. Исследовать образ мыши, его значение и уместность. В статье исследуется повод, который привёл Ф. М. Достоевского к использованию образа мыши в его произведении «Записки из подполья».

Процедура и методы. Проанализирован корпус текстов. Автор вступает в научный спор с учёными-достоевковедами, расширяя представление о функциональных особенностях образа. Исследованию подвергаются «Записки из подполья». Подходя к данному произведению как к изображению эксперимента, который рассказчик-парадоксалист проводит сам над собой, автор статьи замечает здесь противопоставление «естественного / природного» человека, поведение которого подвержено иррациональным импульсам, человеку «ретортному», подчиняющемуся рациональному следованию «выгодам». Особое внимание уделяется проблеме «творения» самого себя, внутренним диссонансам, связанным с этим процессом. В работе использованы текстологический, аналитический, сопоставительный и аксиологический методы исследования.

Результаты. Проведённый анализ показал, что именно ассоциация с экспериментом позволила Ф. М. Достоевскому применить образ мыши. Это основной исходный пункт парадоксалиста-рассказчика и героя «Записок»; это результат его наблюдений над другими, и, прежде всего, над собой самим, результат его прямо лабораторного эксперимента, в котором он послужил подопытным субъекто-объектом. Поэтому он и парадоксалист, поэтому он и вправе говорить о мыши.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обобщён новый материал по исследуемой теме. Теоретическая значимость работы заключается в углублении представления о художественном мире Ф. М. Достоевского. Практическая значимость определяется возможностью использовать материал статьи в высшей школе, при подготовке к лекциям и практическим занятиям по русской литературе.

Ключевые слова: «Записки из подполья», образ мыши, рациональное и иррациональное, «ретортный» человек, эксперимент

Благодарности. Статья разработана в рамках проекта специфического исследования философского факультета Университета имени Масарика, Брно MUNI/A/1331/2020 «Mezislovenské kultúrná a literárni vazby».

A FEW NOTES ON THE IMAGE OF THE MOUSE IN F. DOSTOEVSKY'S "NOTES FROM UNDERGROUND"

J. Dohnal*Institute of Slavic Studies, Faculty of Philosophy, Masaryk University**617/9 Žerotínovo nám., Brno 601 77, Czech Republic**Department of Russian Studies, Faculty of Philosophy, St. Cyril and Methodius**2 J. Herdu Square, Trnava 917 01, Slovak Republic*

Abstract

Aim. The article examines the reason that led F. Dostoevsky to use the image of a mouse in his work "Notes from the Underground". The purpose of the article is to explore the image of the mouse, its meaning and relevance.

Methodology. The author of the article enters into a scientific dispute with scientists-Dostoevsky scholars, expanding the idea of the functional features of the image. "Notes from the underground" are being investigated. Approaching this work as an image of an experiment that the paradoxical narrator conducts on himself, the author of the article notes here the contrast of the "natural" person, whose behavior is subject to irrational impulses, to the "retort" person, who obeys the rational pursuit of "benefits". Special attention is paid to the problem of self-creation and the internal dissonances associated with this process. The paper uses textual, analytical, comparative and axiological methods of research.

Results. The author of the article comes to the conclusion that it was the association with the experiment that allowed Dostoevsky to apply the image of a mouse. This is the main starting point of the paradoxical narrator and protagonist of the "Notes"; it is the result of his observations on others and, above all, on himself, the result of his direct laboratory experiment, in which he served as a test subject-object. That's why he's a paradoxicalist, and that's why he's entitled to talk about the mouse.

Research implications. The theoretical significance of the work is to deepen the understanding of the artistic world of F. M. Dostoevsky. Practical significance is determined by the possibility to use the article material in higher school, in preparation for lectures and practical classes on Russian literature of the XIX century and for a special course on the work of the writer.

Keywords: "Notes from Underground", the image of the mouse, rational and irrational, the experiment, "man from the retort"

Acknowledgments. The article was developed within the framework of a specific research project of the Faculty of Philosophy of the Masaryk University Brno MUNI / A / 1331/2020 "Mezislovanské kulturní a literární vazby".

Введение

В жизни и произведениях Ф. М. Достоевского вряд ли можно найти пока не исследованные вопросы. Нет произведения, темы, формальных приёмов, которые не изучались бы раньше, так что, кажется, можно только искать дополнения или уточнения к уже имеющимся исследованиям.

Одним из наиболее сложных, по сути философских произведений писателя можно считать «Записки из подполья» (1864). Хотя произведение состоит из двух, казалось бы, неоднородных частей, они, наоборот, тесно взаимосвязаны: вторая часть представляет собой экспликацию всего того, о чём отчасти сложно, как будто в горячке, ведёт дискуссию рассказчик и герой повести в первой части произведения. Как раз в первой части текста рассказчик раскрывает свои теоретические взгляды на человека, на принципы, которые направляют его бытие; именно здесь

можно встретить и образ мыши, значение и уместность которого обсуждается в последующем анализе.

Г. И. Хусяинова в статье «Многозначность образа мыши в повести Ф. М. Достоевского «Записки из подполья»» [2] изучает образ мыши в данном произведении Ф. М. Достоевского и ищет его значение. Она приводит несколько примеров, как его можно трактовать; исследователь констатирует, что в зависимости от того, с какой традиционной трактовкой в повериях, легендах или приметах мышь связывают, данный образ можно интерпретировать и положительно, и отрицательно. Пытаясь определить, к которому именно источнику – и из него вытекающему значению – можно было бы приурочить «парадоксалиста» и его размышления, она, заключая свои наблюдения над образом мыши, приходит к выводу: «Однозначно определить, к ка-

кой группе «мышей» он принадлежит, невозможно. В этом и есть главная особенность – он сочетает в себе черты всех». Ещё неопределённое потом звучит заключение её исследования, в котором можно найти следующее утверждение: «Почему герой «Записок» – мышь? Он непривлекателен внешне, его также сторонятся люди, даже близкие друзья, в конце концов, он живёт в подполье. Сама мышь мала и ничего сделать не может, но она предзнаменует события, пугает, тем самым спасая или помогая (спасает льва, помогает разбить золотое яйцо и т. д.). В этом и есть предназначение этого героя, он говорит только о себе, о своих личных проблемах, но читатель узнаёт в нём самого себя, окружающую действительность, видит всю жестокую подноготную. Даже от неприметной серой мыши бывает польза. Как мыши первыми бегут с тонущего корабля, так и герой первым ушёл в подполье...» [2].

Анализ и импликации

Исследователь имеет право на своё мнение, но, может быть, на данный образ можно посмотреть и с другой стороны, попытаться осмыслить его по-другому. Для этого надо вернуться к одному месту текста повести Достоевского, анализ которого позволит нам открыть другую трактовку образа мыши. Конкретно мы имеем в виду следующий пассаж текста: «И я тем более убеждён в злом, так сказать, подозрении, что если, например, взять антитезу нормального человека, то есть человека усиленно сознающего, вышедшего, конечно, не из лона природы, а из реторты (это уже почти мистицизм, господа, но я подозреваю и это), то этот ретортный человек до того иногда пасует перед своим антитезом, что сам себя, со всем своим усиленным сознанием, добросовестно считает за мышь, а не за человека»¹. Нужно обратить внимание на то, что герой определяет человека,

о котором идёт речь, как ретортного, вышедшего из реторты. Реторта как предмет, служащий в лабораторной практике для разного рода химических опытов, реакций, во время которых производят иногда и вещества, не имеющиеся в природе, может быть отсылкой на такие характеристики, которые свойственны человеку, представляющему собой продукт рационально проводимого опыта, как «искусственность», «неестественность». Данный текст ведь явно намекает на такое толкование, указывая на факт, что «ретортный человек ... иногда пасует перед своим антитезом». Читая дальше, мы узнаем, кто считается антитезом ретортного человека, считающего себя самого мышью: «Злости-то в ней (т. е. в мыши. – И. Д.), может, ещё и больше накопится, чем в l'homme de la nature et de la vérité»². Антиподом ретортного человека, значит, считается человек «естественный», «действительный», «основной», существо, не являющееся продуктом рационально задуманного (лабораторного в социальном смысле слова) опыта. В таком случае понятно, что человек, чувствующий себя мышью, – это «антитеза нормального человека». Как раз эта антиномия упоминается в тексте целых три раза подряд. Благодаря этому троичному повтору она прямо бросается в глаза, усиливая противопоставление обоих типов: человека природы и правды (l'homme de la nature et de la vérité), т. е. нормального человека, с одной стороны, и, с другой, человека рационально сотворённого. Хотя такой «сконструированный» человек представляет собой только ментальное представление рассказчика-парадоксалиста, сознающего, что такой конструкт – полный мистицизм, в его мысли, в его рассуждениях он играет вполне самостоятельную роль. И, как показывает ход наррации, контраст между обоими типами людей тщательно выстраивается.

¹ Достоевский Ф. М. Записки из подполья // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 5. Повести и рассказы 1862–1866. Л., 1973. С. 104.

² Достоевский Ф. М. Записки из подполья // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 5. Повести и рассказы 1862–1866. Л., 1973. С. 104.

Противостояние природы чему-то другому несколько раз повторяется в тексте произведения ещё и до введения образа мыши. Четырежды упоминаются «законы природы», о которых рассказчик рассуждает: «Главное же, как ни раскидывай, а всё-таки выходит, что всегда я первый во всем виноват выхожу и, что всего обиднее, без вины виноват и, так сказать, по законам природы»¹. И «Я ведь, наверно, ничего бы не сумел сделать из моего великодушия: ни простить, потому что обидчик, может, ударил меня по законам природы, а законов природы нельзя прощать; ни забыть, потому что хоть и законы природы, а всё-таки обидно»². Непосредственно перед первым упоминанием образа мыши можно найти ещё указание на следующий факт: «... такого-то вот непосредственного человека я и считаю настоящим, нормальным человеком, каким хотела его видеть сама нежная мать – природа, любезно за рождая его на земле»³. Частое упоминание природы и её законов образует рамки, в которые непосредственно потом вляется пассаж о «ретортном» человеке. Это нельзя считать случайным, а наоборот, противопоставление выстраивается рассказчиком достаточно сознательно, о чём свидетельствуют именно упомянутые нами повторы. Оценка «природного» человека нарратором не очень высока: «... Он глуп, я в этом с вами не спорю, но, может быть, нормальный человек и должен быть глуп, почему вы знаете?»⁴ Она, однако, связана с примечательной информацией об отношении к нему «подпольного человека»: «Я такому человеку до крайней желчи завидую»⁵. Если поверить рассказчику (он ведь ничего не скрывает), то он считает себя не «природным», «естественным» человеком, а каким-то другим, причём этому первому завидует за чистоту, верность его чувств и его поведения: «Ведь их (т. е.

природных людей. – *И. Д.*) как обхватит, положим, чувство мести, так уж ничего больше во всём их существе на это время и не останется, кроме этого чувства. Такой господин так и прёт прямо к цели, как взбесившийся бык, наклонив вниз рога, и только разве стена его останавливает»⁶.

Природный, естественный человек действует в согласии со своими эмоциями, не управляет ими, не чувствует неизбежности кем-нибудь стать, кем-нибудь сделаться, по каким-нибудь правилам думать и поступать, он просто есть. Даже этот фактор учитывается рассказчиком раньше, до упоминания образа мыши: «Я не только злым, но даже и ничем не сумел сделаться: ни злым, ни добрым, ни подлецом, ни честным, ни героем, ни насекомым»⁷. Также этот факт, приводимый рассказчиком, подлежит повторению: «Мне теперь хочется рассказать вам, господа, желается или не желается вам это слышать, почему я даже и насекомым не сумел сделаться. Скажу вам торжественно, что я много раз хотел сделаться насекомым»⁸. Тенденция «сделаться» кем бы то ни было – попытка «преобразоваться» – принадлежит ретортному человеку, которым считается рассказчик. О его принадлежности как раз к реторному человеку свидетельствует заведомое усилие избавиться от «неестественного» в своей сути, заставляющее его направить свои старания к определённой, заданной раньше цели, искать принципы, по которым можно такой цели добиться. Это связано с тем, что он природному человеку до желчи завидует. Кажется, насекомое тут связано с основным намерением преобразования человека в животное, причём в довольно малое, не очень приятное, не очень красивое.⁹ Глагол «сделаться» ссылает на активность, на заведомое действие, на безусловное преодоление начального состояния, на рациональное обоснование такого

¹ Достоевский Ф. М. Записки из подполья // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 5. Повести и рассказы 1862–1866. Л., 1973. С. 104.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 100.

⁶ Там же. С. 103.

⁷ Там же. С. 100.

⁸ Там же. С. 101.

⁹ Стоит, может быть, упомянуть о том, что чуть позже и герой рассказа Франца Кафки «Превращение» сделался – правда, не по своему желанию – жуком, т. е. жёсткокрылым насекомым.

усилия. Именно рационально обоснованный замысел стать чем-то «естественным», однако, не лишает ретортного человека его основной характеристики, а наоборот, сделал бы из него опять «продукт» рационального усилия, значит, возвратил бы его как раз к оспариваемому им «ретортному» человеку. Рассказчик-парадоксалист хотел вернуться к природе, даже избавиться от человеческого облика; «хотел сделаться» насекомым, но не «сумел». Его усилия закончились неудачей: от природного человека по своей воле он отказался, а насекомым не стал. Результатом этого является обиженное сознание рассказчиком провала, нарушенной идентичности, позиция «посреди», чувство, что он не принадлежит ни туда (он ни природный человек, ни животное), ни сюда (человек – продукт сознательного, рационального «человекотворчества»). Прямого указания на то, является ли такое усилие возвращением к природе, к природному человеку, в тексте нет. Следуя логике текста, ответ будет скорее положительным. Уход в сферу животного представляет собой скорее радикальную трансформацию в природное, даже нечеловеческое, какую-то сублимацию человеческой сути, её потерю. Во всяком случае, это – полный провал. При данных обстоятельствах понятно его уединение и недовольствие и всем, и всеми, и самим собой, понятно ожесточённое иронизирование над миром, наукой и сознанием, над выгодами и ценностями, даже над своей собственной жизнью, здоровьем и рассуждениями.

В чём можно искать причины неудавшегося творчества самого себя? И на это умеет рассказчик ответить, находя причину в сознании, в разуме: «Клянусь вам, господа, что слишком сознать – это болезнь, настоящая, полная болезнь. Для человеческого обихода слишком было бы достаточно обыкновенного человеческого сознания, то есть в половину, в четверть меньше той порции, которая достаётся на долю развитого человека нашего несчастного девятнадцатого столетия и, сверх того, имеющего сугубое несчастье обитать

в Петербурге, самом отвлечённом и умышленном городе на всём земном шаре»¹.

Явное обращение против сознания, сознательности созвучно обращению рассказчика против рационализма как такового. Ведь его же бунт против «антиестественности» рационализма сугубо рационален: всё в раздумьях рассказчика как будто сводится к основному силлогизму:

Первая посылка: Природа и природное/естественное не основаны на разуме.

Вторая посылка: Моё существование и мои размышления основаны на разуме.

Заключение: Моё существование и мои размышления против природы.

В своих размышлениях рассказчик начинает постепенно попадать в неразрешимый замкнутый круг: его концепция «ретортного» человека противопоставлена «естественному человеку», но рациональным умозаключением принимаемый результат, т. е. попытка вернуться к естественному/природному состоянию при помощи исключения абсолютно всего рационального в человеческой сути, для него значит то, что надо стать животным, в данном случае насекомым. Но насекомым ему стать нельзя, им невозможно «сделаться». Лишиться человеческой сути человек не может; быть человеком – судьба, которую нельзя избежать, однако раскрыть «ретортность», показать, насколько «ретортный» человек ушёл от «естественного» – можно.

Рассказчик именно это и делает: вступает со своей стороны в дискуссию с «господами» и пытается выявить им свои чувства, своё независимое положение, своё свободное решение отойти от внешнего рационально устроенного и по рациональным правилам действующего мира в свой уединённый мирок, в свой угол. Полученные в наследство деньги дали ему свободу – он может брезговать большинством конвенций внешнего мира, жить (и писать) по-своему. Из «угла» он может провоцировать, может по-своему осмыс-

¹ Достоевский Ф. М. Записки из подполья // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 5. Повести и рассказы 1862–1866. Л., 1973. С. 101.

лять свои поступки, может отказываться от «разумного» поведения, может усугублять повторяющуюся осцилляцию между высоким и низким в его поведении и мышлении: «Скажите мне вот что: отчего так бывало, что, как нарочно, в те самые, да, в те же самые минуты, в которые я наиболее способен был сознавать все тонкости "всего прекрасного и высокого", как говорили у нас когда-то, мне случалось уже не сознавать, а делать такие неприглядные деянья, такие, которые... ну да, одним словом, которые хоть и все, пожалуй, делают, но которые, как нарочно, приходились у меня именно тогда, когда я наиболее сознавал, что их совсем бы не надо делать? Чем больше я сознавал о добре и о всём этом "прекрасном и высоком", тем глубже я и опускался в мою тину и тем способнее был совершенно завязнуть в ней»¹. Видно, что осцилляция между этими двумя полюсами, рациональным и иррациональным, сознательным и эмоциональным – основное в его высказываниях. Он относится к своей жизни в углу как к определённому эксперименту, провоцирующему «господ», представителей сознательного, рационального принципа, против которого «парадоксалист» протестует. Его пребывание в углу – провокация, попытка «сделаться» человеком более естественным так, чтобы не оспаривать иррационального в себе, а отчасти, наоборот, наслаждаться и гордиться тем, что он находит достаток мужества признаваться в своём эксперименте. Он даже приносит о нём свидетельство – его же текст во второй части «Записок», и это можно считать как раз попыткой осмыслить, на примере показать, что такая осцилляция естественна, может быть, не только в его внутреннем мире, в его переживаниях и их осмыслении, но и в том, что таким же осциллятивным процессом характеризуется бытие человека рационального XIX в. Он становится – добровольно – испытуемым субъектом. А где-то с XVII в. подопытными животными стали

лабораторные мыши. Когда рассказчик хотел стать насекомым, ещё дело не касалось эксперимента; став на путь сознательно проводимого опыта, он, по аналогии, может и вправе сравнивать себя с мышью. И ей в лаборатории отведён уголок, в котором приходится жить. Мышь незаметна, ничтожна, но и она приносит нужные сведения для правильного понимания процессов, ставших предметом эксперимента. Мышью он физически не стал, как не стал и насекомым, но его освобождение от рациональных принцепов, которым надо подчиняться, позволяет ему мнительно стать на место подопытного животного (приближаясь таким образом к природе) и показывать внутреннее столкновение рационально контролируемого сознания («ретортного» человека) с импульсами человеческой природы («природного» человека).

Рассказчик, внутренне восхищённый этой позицией, прямо наслаждается возможностью «пофилософствовать» в запутанной полемике с «господами», но чувствует, что нужно искать в его рассказе и такой способ выражения, который был бы «естественным», более простым, более наглядным, что он делает во второй части «Записок». Более ясное, рациональное выражение его мыслей скрыто также в его напоминании о некоем собирательном лице – его приятеле, который: «...с волнением и страстью будет говорить вам о настоящих, нормальных человеческих интересах; с насмешкой укорит близоруких глупцов, не понимающих ни своих выгод, ни настоящего значения добродетели; и – ровно через четверть часа, без всякого внезапного, постороннего повода, а именно по чему-то такому внутреннему, что сильнее всех его интересов, – выкинет совершенно другое колено, т. е. явно пойдёт против того, о чём сам говорил: и против законов рассудка, и против собственной выгоды, ну, одним словом, против всего...»² Именно цитируемый пассаж представляет собой и структуру всего текста: сначала умозрительное, теоретическое ознакомление с мыслями рассказчика, а потом иллюстрацию на при-

¹ Достоевский Ф. М. Записки из подполья // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 5. Повести и рассказы 1862–1866. Л., 1973. С. 102.

² Там же. С. 111.

мере, конкретизацию того, о чём говорилось на теоретическом уровне. Он пытается выразить это противоречие и по-другому, пользуясь математической формулой «дважды два четыре». Но именно такая формула не способна выразить его осциллятивное понимание человеческой сути: «Эх, господа, какая уж тут своя воля будет, когда дело доходит до таблички и до арифметики, когда будет одно только дважды два четыре в ходу? Дважды два и без моей воли четыре будет. Такая ли своя воля бывает!»¹ Свою волю, внутреннее, естественное в человеке он выражает в другой формуле: «Я согласен, что дважды два четыре – превосходная вещь; но если уже все хвалить, то и дважды два пять – премилая иногда вещичка».² Дважды два четыре – принцип существования «ретортного человека, дважды два пять – принцип бытия человека «естественного» (*l'homme de la nature et de la vérité*).

Анализируя произведение Ф. М. Достоевского, надо считаться и с утверждением Б. Тарасова, характеризующего эпоху первой и второй половины XIX в. века: «В эпоху творчества Достоевского в России интенсифицировался процесс изменения традиционных ценностных координат и парадигм картины мира, внедрения новых установок сознания, особого акцентирования позитивистски

наблюдаемых и математически исчисляемых пластов бытия и укрепления связанных с этими пластами эгоцентрических духовно-психологических сил. Атмосфера вульгарного сциентизма составляет важную часть идейно-эстетического контекста его произведений» [1].

Заключение

«Записки из подполья» – результат устремлений Ф. М. Достоевского показать, что человек намного сложнее и иррациональнее, чем любое рационально конструируемое создание. В нём нет только положительного, нет и только отрицательного, нет только рационального, как нет и только иррационального, но есть их постоянное сталкивание, борьба, иногда выравнивание, никогда не заканчивающиеся сдвиги и срывы в его «Я»³. Это основной исходный пункт парадоксалиста – рассказчика и героя «Записок»; это результат его наблюдений над другими и, прежде всего, над собой самим, результат его прямо лабораторного эксперимента, в котором он послужил подопытным субъекто-объектом. Поэтому он и парадоксалист, поэтому он и вправе говорить о мышши.

Статья поступила в редакцию 10.03.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тарасов Б. Рационализм, позитивизм и прагматизм как питательная среда для формирования преступного замысла Раскольникова // *Mundo Eslovo* : [сайт]. 2017. № 6. URL: <http://mundoeslovo.com/index.php/meslav/article/view/254> (дата обращения: 05.04.2021).
2. Хусьяинова Г. И. Многозначность образа мышши в повести Ф. М. Достоевского «Записки из подполья» [Электронный ресурс] // *Международный научно-исследовательский журнал. Филологические науки*. 2012. Вып. 5. С. 118–121. URL: <https://research-journal.org/languages/mnogoznachnost-obrazamyshi-v-povesti-f-m-dostoevskogo-zapiski-iz-podpolya> (дата обращения: 05.04.2021).

REFERENCES

1. Tarasov B. [Rationalism, positivism and pragmatism as a breeding ground for the formation of Raskolnikov]. In: *Mundo Eslovo*, 2017, no. 16. Available at: <http://mundoeslovo.com/index.php/meslav/article/view/254> (accessed: 04.05.2021).
2. Khusyainova G. I. [The polysemy of the image of the mouse in the story of F. M. Dostoevsky “Notes from the Underground”]. In: *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal. Filologicheskie nauki* [International research journal. Philological sciences], 2012, iss. 5., pp. 118–121. Available at: <https://research-journal.org/languages/mnogoznachnost-obrazamyshi-v-povesti-f-m-dostoevskogo-zapiski-iz-podpolya> (accessed: 05.04.2021).

¹ Там же. С. 117.

² Там же. С. 119.

³ Именно на этом на несколько десятилетий позже построил свои теоретические исследования З. Фрейд.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Йосеф Догнал – доктор философии, кандидат наук, профессор Института славистики философского факультета Университета имени Масарика; профессор кафедры русистики философского факультета Университета имени св. Кирилла и Мефодия;
e-mail: josef-dohnal@volny.cz

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Josef Dohnal – Dr. Sci. (Philosophy), Cand. Sci., Prof., Institute of Slavic Studies, Faculty of Philosophy, Masaryk University, Brno; Prof., Department of Russian Studies, Faculty of Philosophy, St. Cyril and Methodius;
e-mail: josef-dohnal@volny.cz

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Догнал Й. Несколько заметок по поводу образа мыши в «Записках из подполья» Ф. М. Достоевского // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 3. С. 73–80.

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-73-80

FOR CITATION

Dohnal J. Several Notes on the Image of a Mouse in “Notes from the Underground” by F. Dostoevsky. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 3, pp. 73–80.

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-3-73-80